

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Конец Джона-Проповедника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2786035

Аннотация

«На американском корвете «Джордж Вашингтон» родился под пушкою щенок. Его мамаша была дурная и безнравственная собака: она любила шум, скандал и драку и душу отводила не в созерцании красот океана, а в грызне с собаками на берегу и в воровстве на корвете из камбуза; и будь она матросом, она была бы первым пьяницей, и не выходить бы ей из темного карцера. И не было в ней ничего женственного и привлекательного: взъерошенная, как сухая половая щетка, измазанная смолой и варом, – она насквозь пропахла крепким табачным дымом: сама она, конечно, не курила, но курящих обожала. Глаз у нее всего был один, да и тот мошеннический; другой она потеряла во время войны Северных Штатов с Южными, когда она неудачно бежала из плена у южан...»

Леонид Николаевич Андреев Конец Джона- Проповедника

На американском корвете «Джордж Вашингтон» родился под пушкой щенок. Его мамаша была дурная и безнравственная собака: она любила шум, скандал и драку и душу отводила не в созерцании красот океана, а в грызне с собаками на берегу и в воровстве на корвете из камбуза; и будь она матросом, она была бы первым пьяницей, и не выходить бы ей из темного карцера. И не было в ней ничего женственного и привлекательного: взъерошенная, как сухая половая щетка, измазанная смолой и варом, – она насквозь пропахла крепким табачным дымом: сама она, конечно, не курила, но курящих обожала. Глаз у нее всего был один, да и тот мошеннический; другой она потеряла во время войны Северных Штатов с Южными, когда она неудачно бежала из плена у южан.

Родив под пушкой щенка, да и то одного вопреки обычаю всех честных собак, она в первую минуту изумилась и растерялась: так для нее самой было это

неожиданно. Но кое-какие чувства жили даже в ее табачной, окаянной душе, и целых две недели, к стыду ее друзей матросов, она разыгрывала из себя нежнейшую мамашу, играла безбожную комедию. Когда она под своей пушкой кормила щенка, лицо ее было ханжески свято и непорочно, как у корабельного пастора, когда в воскресенье читает он проповедь. Матросы кляли ее за ложь и притворство, а щеночку было все равно, только бы сосать да греться: он был слеп и ничего не понимал в делах мира сего.

И, конечно, через две недели, – да и те полностью еще не прошли, – безнравственная и дурная собака вернулась к своей пагубной жизни; утомленная вдобавок воздержанием и святостью, она устроила на берегу такой дебош, что даже боцман, сам пьяница, осудил ее, капитан же в гневе приказал отчислить ее с корвета.

– У нас есть щенок, – сказал капитан, – воспитайте его в правилах веры и доброй нравственности, и тогда я не повешу его. А иначе повешу.

Так щеночек и заместил безнравственную мать свою, а ее потом видели матросы в самых грязных притонах Сан-Франциско и в гавани, где она искала для себя подходящий коммерческий корабль. Военная карьера была – увы! – навсегда уже испорчена.

Даже и не подозревая того, что от высоты его нрав-

ственных свойств зависит самая жизнь его, щеночек и так был очень мил и порядочен. Вероятно, был хорошим псом его неизвестный отец. Назвали щеночка Джоном и оставили жить под пушкой, которую со временем, по щенячьей наивности, он стал считать своей настоящей родною матерью. Враг шума и громких криков, какими сопровождалась работа матросов на корвете, он любил свое тихое пристанище; возмущаясь божбою и проклятиями матросов, их буйной веселостью в дни праздников и попоек, он особенно высоко ценил молчание пушки, ее строгое и важное спокойствие.

«Едва ли есть у кого такая хорошая мама, как у меня, – думал он, укладываясь спать под лафетом, – конечно, мне послал ее Бог за то, что сам я не грешу».

Здесь уж он хватал через край, как это понятно всякому; но его молитвенно-благодарственное отношение к существу не ускользнуло от внимательного взора боцмана. Вспомнив же то выражение лица, какое было у его мамы во время кормления и какое бывает у пастора во время воскресной проповеди, боцман с согласия команды назвал щенка «Проповедником». Так он и назывался Джоном-Проповедником, но капитан об этом не знал. Едва ли бы ему понравилась такая степень совершенства в каком-нибудь щенке!

Но вот что случилось однажды. Собрались матро-

сы у пушки, матери Джона, и что-то весело стали делать возле нее. Это бывало и раньше, когда они чистили пушку и наводили на нее блеск; и Джону-Проповеднику нравилось это, так как косвенно – по его щенячьему мнению – придавало блеск и всему его роду. Да и мама действительно делалась красивее от уборки, и ее молчание становилось задумчивым, как у всякой красавицы; и лунный мечтательный свет охотнее отражался на ее гладких боках.

Но в этот раз матросы делали что-то другое: то ли кормили маму, то ли от чего-то лечили ее, – Джон-Проповедник понять не мог по молодости и отсутствию опыта. Но все смеялись, и было очень весело, и с приятным выражением лица Джон *забрался* под пушку и оттуда улыбнулся боцману. Однако боцман не ответил, а концом веревки выгнал щенка и сказал приблизительно следующее:

– Если ты мне, то я тебя! Сядь здесь и смотри.

– Где?

– Вот тут. Тебе весело?

– О да, дорогой мой господин-боцман! Я истинно счастлив и только одного желал бы, чтобы и – другие собаки мокли про себя сказать то же и с такой же основательностью, как говорю это я...

– Не скули. Сейчас будет.

И тут пушка – ахнула! Но ка-а-к она ахнула! Но как!

И не успел Джон-Проповедник осуществить первую естественную мысль: о самоубийстве, как мама ахнула вторично. Но ка-а-к она ахнула! Но как!

Взглянул Джон-Проповедник по сторонам, насколько он еще мог глядеть, так как глаза у него тряслись, – и увидел, что стоит ряд таких же нарядных мам, как и его, и все по одной – ахают. Но ка-а-к ахают! Но как!

И тут многое стало ясным Джону в делах мира сего, и сделался он философом. А через какой-нибудь год он имел взъерошенную шерсть, как у беглой мамыши, полтора глаза вместо двух, пил джин, курил и клялся безбожно. И огорченный добрый капитан уже искал веревку, чтобы повесить его согласно обещанию, а боцман невыразимо мучился угрызениями совести и говорил команде:

– А я еще назвал его Проповедником!

Простишь ли ты меня когда-нибудь, Джон?

– Уж и не знаю. Если, впрочем, не повесят – прощу!